Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (19), 2022.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-159-169
https://elibrary.ru/ECNYJB

© 2022. Анастасия Першкина
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

«Преступление и наказание» в контексте реформ уголовного законодательства в середине 1860-х годов. Дополнение к комментарию

© 2022. Anastasia N. Pershkina
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Crime and Punishment in the Context of the Reforms of Criminal Law in the 1860s. An Addition to the Commentary

Информация об авторе: Анастасия Николаевна Першкина, кандидат филологических наук, приглашенный преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Старая Басманная ул., д. 21/4с1, 115054 г. Москва, Россия.
E-mail: dostoevsk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются два сюжета, связанные с отражением уголовно-процессуальной реальности середины 1860-х годов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: манера работы Порфирия Петровича и приговор Раскольникову. Метод Порфирия исследователи традиционно объясняли его личными качествами. В статье предлагается посмотреть на него с точки зрения уголовной реальности того времени. Про приговор исследователи ранее уже отмечали, что он оказался мягче, чем можно было ожидать. В статье предпринята попытка проследить, как именно Достоевский конструировал это судебное решение. Оба сюжета показывают, насколько внимателен писатель был к изменениям судебной и следственной системы и насколько точно он пытался отразить их актуальное состояние в своем романе.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Порфирий Петрович, Раскольников, Судебная реформа.

Для цитирования: *Першкина А.Н.* «Преступление и наказание» в контексте реформ уголовного законодательства в середине 1860-х годов. Дополнение к комментарию // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 159–169. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-159-169

Information about the author: Anastasia N. Pershkina, PhD in Philology, Visiting Professor, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya 21/4, 1, 115054 Moscow, Russia.

E-mail: dostoevsk@mail.ru

Abstract: The article is devoted to two storylines related to the reflection of the criminal procedure reality of the 1860s in the novel *Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky. The first storyline is the working method of Porfiry Petrovich and the second is the conviction of Raskolnikov. Researchers traditionally attribute Porfiry's method to his personal qualities. The article proposes to look at it from the point of view of the criminal reality of the time. It was previously noted that the sentence was milder than might have been expected. The article attempts to trace exactly how Dostoevsky constructed this judgment. Both storylines show how attentive the writer was to the changes in the judicial and investigative systems and how accurately he tried to reflect their current state in his novel.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Porfiry Petrovich, Raskolnikov, Judicial reform.

For citation: Pershkina, A.N. "*Crime And Punishment* in the Context of the Reforms of Criminal Law in the 1860s. An Addition to the Commentary." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (19), 2022, pp. 159–169. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-159-169

В статье будут рассмотрены два сюжета, связанные с отражением уголовно-процессуальной реальности середины 1860-х годов в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Первый из них связан с методами работы Порфирия Петровича, второй — с приговором Раскольникову. Исторический комментарий к обоим показывает исключительную внимательность писателя к официальным документам своего времени и его стремление сохранить полное соответствие им в итоговом тексте произведения.

В исследовательской среде превалирует взгляд на Порфирия Петровича как на обычного героя Достоевского — человека без занятости. Его профессии уделяется минимум внимания. Например, в статье Р.Н. Поддубной «Образ Порфирия Петровича в художе-

ственной структуре романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» о герое говорится просто как о следователе, который противостоит преступнику [Поддубная, 1971, 48–58]. Хотя, как мы покажем ниже, здесь обязательно нужно уточнять, речь идет о приставе следственных дел или о судебном следователе, потому что они по-разному работали и вели дела. В комментарии к Полному собранию сочинений Достоевского в 30 томах и Примечаниях к «Преступлению и наказанию» в Литературных памятниках сказано несколько слов о реформе судебно-следственного аппарата, но нет выводов о том, как с этой реформой связан Порфирий и как это влияет на него [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 403; Достоевский, 1970, с. 763]. В исследовательской литературе гораздо больше внимания уделяется идеям и страстям, которые определяют место Порфирия в художественном мире романа. Суть этих идей и страстей, а также манера взаимодействия с Раскольниковым являются основанием для оценки героя. Его профессия учитывается, но скорее как отягчающее обстоятельство, которое делает его более опасным человеком, а не как фактор, объясняющий его поведение. Приведем цитату из статьи Ю.Ф. Карякина: «В сущности, Порфирий нарушает даже то куцее право, которое было тогда в стране. С таким “свободным художеством” можно делать всё что угодно. Такое “художество” и есть полнейшее беззаконие. Принято иногда восхищаться профессиональным мастерством Порфирия. Но пусть уж лучше такой Порфирий останется монополией для филологов в качестве великолепного художественного образа, чем станет образцом для юристов <...> Почему Порфирий так травит Раскольникова? Одними традициями “свободного художества” на Руси этого не объяснишь. Так ведь не службу исполняют, а личные счеты сводят. Так не истину ищут, а мстят, какой-то жуткий балаганный праздник мести справляют. Реванш берут» [Карякин, 1971, с. 76]

К этой статье, опубликованной в 1970-х, отсылает в своей книге «Лазарь! гряди вон» Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2016], отчасти актуализируя ее, хотя суждения Карякина о Порфирии нуждаются в корректировке с привлечением исторического контекста. Герой Достоевского не нарушает «куцее право». В своей работе он строго ему следует, допуская шаг в сторону, только чтобы помочь Раскольникову, а вовсе не справить «праздник мести».

Время основного действия «Преступления и наказания» — лето 1865 года в Петербурге [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2,

с. 136]. Это пограничное время сразу для нескольких реформ, затрагивающих следственную и судебную практику. Во-первых, 20 ноября 1864 года были выпущены новые Судебные уставы, которые должны были в корне изменить весь судебный процесс: добавить новых участников, вроде адвокатов и присяжных, смягчить ряд наказаний и изменить градацию и ценность доказательств. Но к середине 1865 года они еще не успели вступить в силу. До реформы вся судебная система была репрессивной, ее основной целью было доказать виновность уже пойманного человека. «Оправдательный приговор был практически невозможен. Принцип презумпции невиновности не был известен дореформенному суду» [Барт, 2010, с. 116]. Доказательства делились на совершенные и несовершенные, то есть те, которых было достаточно для вынесения приговора, и те, которые требовали дополнительных улик или свидетельств. Например, показания одного человека были несовершенным доказательством, совпадающие показания двух человек — совершенным. Особое положение занимало личное признание подсудимого, оно характеризовалось как «лучшее свидетельство всего света» [Свод законов, 1857, с. 56–58] и позволяло тут же вынести вердикт. Как описывают юристы практику того времени, в реальности работало только оно [Чельцов-Бебутов, 1957, с. 750–799]. Именно признания добивался суд от обвиняемого, предъявляя улики и свидетельства не общественности, а самому человеку, которого подозревали в преступлении, чтобы он понял, что ему не избежать наказания. Для того, кто попал на скамью подсудимых, было всего два варианта: его могли признать виновным или, за неимением признания, оставить под подозрением. В большинстве случаев это означало, что он по-прежнему находился в заключении, пока проводилось новое расследование. Один из примеров такого суда — дело Герасима Чистова, который был в 1865 году арестован по обвинению в краже и убийстве двух женщин. Достоевский, судя по всему, следил за процессом и некоторые детали использовал в работе над «Преступлением и наказанием» [Тихомиров, 2016, с. 207]. Улики и свидетельства говорили против Чистова, но он не сделал признания, поэтому его дело было отправлено на пересмотр. Процесс Чистова в конце 1865 года проходил по старым Судебным уставам. Дело Раскольникова дошло до рассмотрения примерно в это же время. Убийство старухи-процентщицы и Лизаветы произошло 9 июля 1865 года [Тихомиров 2016, с. 56], в полицейскую контору Раскольников

приходит сознаваться 20 июля [Тихомиров 2016, с. 483]. В эпилоге указано, что приговор был вынесен «пять месяцев спустя после явки преступника с повинной», то есть в декабре 1865 года [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 413]. Получается, что Раскольников оказался в рамках все той же репрессивной системы. То, что делает с ним Порфирий, — это обычная судебно-следственная практика. Ему нужно было сломать подозреваемого и убедить его в неизбежности уголовного наказания, что заставило бы того сделать признание в суде. Порфирий не скрывает того, как работает, и прямо говорит Раскольникову: «Да оставь я иного-то господина совсем одного: не бери я его и не беспокой, но чтоб знал он каждый час и каждую минуту, или по крайней мере подозревал, что я всё знаю, всю подноготную, и денно и нощно слежу за ним, неусыпно его сторожу, и будь он у меня сознательно под вечным подозрением и страхом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 261]. Раскольников тоже понимает, что с ним делают, возможно, даже знает наверняка, как бывший студент юридического факультета, проговаривая, что у следователя нет фактов, а только догадки, но их он использует, чтобы его «до исступления довести» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 269]. В этом нет никаких нарушений «куцего права». При этом нельзя отрицать, что Порфирий действует жестоко и, вероятно, получает от этого удовольствие. Но существующая система требовала от следователя именно таких действий, чтобы тот был эффективным.

Здесь важно заметить, что дело Раскольникова, возможно, последнее для Порфирия. 1865 год — пограничный для еще одной реформы эпохи Александра II. В 1860 году началось переустройство следственного аппарата, целью которого было сделать его максимально независимым от полиции и соответствующим будущему изменению всей судебной системы. Главный момент этой реформы — старых приставов следственных дел должны были заместить судебные следователи. В Санкт-Петербурге этот процесс проходил во второй половине 1865 – начале 1866 года [Памятная книжка, 1865, с. 36–42]. Из 9 приставов следственных дел реформу пережили и сохранили свои места всего трое [Список чинам, 1866, с. 99, 102]. Достоевский об этих изменениях знал или узнавал в процессе работы над романом. Еще в черновиках будущий Порфирий Петрович имеет должность судебного следователя:

«Ввести эпизод, что его, на основании его разговора с Заметовым, посещения в тот же вечер квартиры убитых, выдачи вдове Мар-

меладовой денег, неосторожных разговоров и проч. — преследует судебный следователь» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 90].

«Уединение, мысли, судебный следователь. Сумасшествие. (Разумихин это поддерживает)» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 133].

«Похороны Мармеладова и разговор с нею. Судебный следователь» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 136].

Но потом Достоевский внес изменения, сделал Порфирия приставом следственных дел и привел эту сюжетную линию в полное соответствие с описываемым в романе моментом времени — летом 1865 года. Если бы в черновиках не использовались другие наименования, можно было бы допустить случайность. Но промежуточные тексты четко указывают на сознательный выбор писателя и проделанную им работу.

Не меньшей работы с документами потребовал от писателя приговор Раскольникову. За двойное убийство тот получил 8 лет каторги, и в тексте самого романа это судебное решение представлено как неожиданное. «Приговор <…> оказался милостивее, чем можно было ожидать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 411]. Мы уже сказали, что преступление было совершено в июле 1865 года, новые Судебные уставы, а также сопутствующие документы, вроде Уложения о наказаниях, еще не вступили в силу, Раскольникова судили по старым. Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных в составе Свода законов Российской империи, изданному в 1857 году, за двойное убийство полагалось от 12 до 15 лет работ на рудниках — это третья степень наказания из семи существующих [Свод законов, 1857, с. 5]. Ограбление считалось отягчающим обстоятельством, поэтому суд мог принять более суровое решение и отправить преступника на рудники на 15–20 лет [Свод законов, 1857, с. 5]. Это была бы уже вторая степень наказания. Приговор оказался иным, потому что сыграли свою роль различные смягчающие обстоятельства. Все они прописаны Достоевским в тексте эпилога и сходны с рядом статей Уложения.

В 146 статье Уложения указаны девять причин, по которым суд может избрать меньшее наказание. Четыре из них учтены во время суда над Раскольниковым. Ниже таблица с цитатами из «Преступления и наказания» и из Уложения о наказаниях.

«Преступление и наказание»	Уложение о наказаниях уголовных
«<...> на окончательные вопросы: что именно могло склонить его к смертоубийству и что побудило его совершить грабеж, он отвечал весьма ясно, с самою грубою точностью, что причиной всему было его скверное положение, его нищета и беспомощность» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 411]	«Обстоятельствами в большей или меньшей степени уменьшающими вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания признаются: Если он (виновный) учинил сие преступление единственно по крайности и совершенному неимению никаких средств к пропитанию и работе» [Свод законов, 1857, с. 32]
«Решился же он на убийство вследствие своего легкомысленного и малодушного характера, раздраженного, сверх того, лишениями и неудачами» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 411]	«Обстоятельствами <...> уменьшающими вину <...> признаются: Если преступление учинено им (виновным) по легкомыслию или слабоумию, глупости или крайнему невежеству, которым воспользовались другие для вовлечения в сие преступление. Если преступление учинено им (виновным) вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, коему сделано зло» [Свод законов, 1857, с. 32]
«Наконец, явка с повинною, в то самое время, когда дело необыкновенно запуталось вследствие ложного показания на себя упавшего духом изувера (Николая) и, кроме того, когда на настоящего преступника не только ясных улик, но даже и подозрений почти не имелось» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 411]	«Обстоятельствами <...> уменьшающими вину <...> признаются: Если виновный добровольно и прежде, нежели на него пало какое либо подозрение, явился в суд или же к местному или другому начальству, и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учиненном преступлении» [Свод законов, 1857, с. 32]

В отдельном комментарии нуждается второй пункт, поскольку написанное Достоевским не полностью соответствует тому, что изложено в документах. Похоже, что он обратил внимание на слова «легкомыслие» и «раздражение» в официальных формулировках, модифицировал и воспроизвел их уже в ином контексте, возможно, не вдаваясь в суть этих терминов. Писатель повторяет не только пункты из 146 статьи. В статье 166 указано, что наказание можно

смягчить, «когда преступник сверх добровольного и полного признания в своем преступлении заслуживает еще осознанного снисхождения по прежней долговременной беспорочной службе или по каким-либо отличным заслугам и достоинствам» [Свод законов, 1857, с. 40]. У Раскольникова заслуги и достоинства тоже есть. «Бывший студент Разумихин откопал откуда-то сведения и представил доказательства, что преступник Раскольников, в бытность свою в университете, из последних средств своих помогал одному своему бедному и чахоточному университетскому товарищу» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 412]. Также на суде было объявлено, что он «во время пожара, ночью, вытащил из одной квартиры, уже загоревшейся, двух маленьких детей, и был при этом обожжен» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 412].

Здесь указан еще один важный момент — активное участие бывшего студента Разумихина в защите Раскольникова. Можно допустить, что и про нищету Раскольникова рассказывал именно он. В третьем пункте видится активное участие Порфирия Петровича, только он мог подтвердить, что Раскольников явился, когда на него еще не пали подозрения. Это как раз тот момент, когда Порфирий «нарушил куцее право» и действительно исказил обстоятельства расследования, чтобы помочь Раскольникову.

Для Порфирия, кстати, подобное решение могло быть непростым. В условиях реформы следственного аппарата и борьбы за места на службе громкое дело Раскольникова — идейное убийство, успешно раскрытое исключительно благодаря профессионализму пристава следственных дел, — помогло бы последнему перейти на новую должность. Но Порфирий отказался от этого.

Дореформенное законодательство разрешало суду при совпадении нескольких смягчающих обстоятельств изменить наказание и даже понизить его степень. Именно это и произошло в случае Раскольникова: вместо наказания третьей (или даже второй) степени, он получил наказание пятой степени, а значит, меньший срок пребывания в заточении и более щадящие условия, и отправился не на рудники, а на работы в крепостях.

То, насколько детально Достоевский описывает этот приговор, может быть указанием на то, что в эпилоге мы продолжаем смотреть на происходящее глазами Раскольникова. Его точка зрения выдержана строго почти во всем романе с одним серьезным отклонением — во время сцены объяснения Свидригайлова и Дунечки. Раскольников

не мог быть свидетелем их разговора, остальные же события читатели наблюдают вместе с ним. Возможно, приговор настолько точен, потому что его слышит бывший студент юридического факультета, который, несмотря на угнетенное состояние, хорошо понимает и запоминает, что происходит в суде. Другое предположение: Тихомиров в книге «Лазарь! гряди вон» указывает, что благодаря такому мягкому приговору Раскольников стал заключенным второго разряда и мог отбывать наказание, например, в Омском остроге, где четыре года провёл сам Достоевский, также будучи заключенным второго разряда [Тихомиров, 2016, с. 501]. Возможно, писатель не планировал окончательно бросать своего героя и потому поместил его в знакомые условия, которые мог максимально точно описать.

Также мы допускаем, что приговор Раскольникову — это часть размышлений Достоевского об изменениях судебной системы. Известно, что в 1870-е на страницах «Дневника писателя» он критически высказывался о присяжных и был крайне недоволен работой адвокатов. Из 1860-х у нас есть свидетельства интереса журнала братьев Достоевских «Время» к судебной реформе и сочувственного отношения ко многим ее аспектам: отделение судебной власти от исполнительной и законодательной, публичность процессов и отмена различия сословной подсудности, см.: [Нечаева, 1972, с. 110–117]. За подписью Достоевского на эту тему выходили в журнале «Записки из Мертвого дома», которые на общем фоне отличались тем, что высказанные в них мысли гораздо шире реформы. Достоевского волновал вопрос несоответствия наказания преступлению, а также бессмысленность наказания во всех известных формах, потому что оно вызывает у человека только озлобление, но не приводит к искреннему раскаянию, которое так нужно преступнику. В этом смысле мягкий приговор Раскольникову — это демонстрация возможностей старой судебной системы учесть все обстоятельства для вынесения щадящего приговора и бессмысленности такого формального великодушия, если преступник на самом деле не раскаялся.

Эти гипотезы представляют интерес для дальнейшего изучения. Перспективы для более глубокого исторического комментирования открываются в том числе благодаря продемонстрированному стремлению Достоевского, несмотря на тяжелые условия и иногда работу на скорость, сверяться с официальными источниками для достижения максимального правдоподобия. Это сильная и стабильная характеристика его художественного метода.

Список литературы

1. Барт, 2010 – *Барт Д.А.* Судебная реформа России 1864 года и закрепление принципа состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве России // Молодые ученые. 2010. №1. С. 115–120.

2. Достоевский, 1970 – *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. М.: Наука, 1970. 810 с. Серия «Литературные памятники».

3. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. Карякин, 1971 – *Карякин Ю.Ф.* Человек в человеке // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 73–97.

5. Нечаева, 1972 – *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 323 с.

6. Памятная книжка, 1865 – Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1865 год. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. VIII, 147 с.

7. Поддубная, 1971 – *Поддубная Р.Н.* Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы русской литературы. 1971. Вып. 1/16. С. 48–58.

8. Свод законов, 1857 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. Законы уголовные. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. Т. 15. Кн. 1. 602 с.

9. Список чинам, 1866 – Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1866. 467 с.

10. Тихомиров, 2016 – *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон!» Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

11. Чельцов-Бебутов, 1957 – *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М.: Госюриздат, 1957. 839 с.

References

1. Bart, D.A. “Sudebnaia reforma Rossii 1864 goda i zakreplenie printsipa sostiazatel’nosti i ravnopraviia storon v sudoproizvodstve Rossii” [“Judicial Reform of Russia in 1864 and the Consolidation of the Principle of Competitiveness and Equality of the Parties in the Legal Proceedings of Russia”]. *Molodye uchenye*, no. 1, 2010, pp. 115–120. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 810 p. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Kariakin, Iu.F. “Chelovek v cheloveke” [“The Man in the Man”]. *Voprosy literatury,* no. 4, 1971, pp. 73–97. (In Russ.)

5. Nechaeva, V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Vremia". 1861–1863* [*F. and M. Dostoevskys' Journal "Vremia"*]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 323 p. (In Russ.)

6. Pamiatnaia knizhka S.-Peterburgskoi gubernii na 1865 god [*Agendum of the Governorate of St. Petersburg 1865*]. St. Petersburg, Tip. K. Vul'fa Publ., 1865. VIII, 147 p. (In Russ.)

7. Poddubnaia, R.N. "Obraz Porfiriia Petrovicha v khudozhestvennoi strukture romana F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["The Image of Porfiry Petrovich in the Artistic Structure of Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Voprosy russkoi literatury*, no. 1/16, 1971, pp. 48–58. (In Russ.)

8. "Ulozhenie o nakazaniiakh ugolovnykh i ispravitel'nykh" ["Decree of Capital and Corrective Punishments"]. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 1857 goda. Zakony ugolovnye* [*Code of Laws of the Russian Empire. 1857 Edition. Criminal Laws*], vol. 15, book 1, St. Petersburg, Tip. Vtorogo otd-niia Sobstv. e.i.v. kantseliarii Publ., 1857. 602 p. (In Russ.)

9. Spisok chinam Pravitel'stvuiushchego Senata i Ministerstva iustitsii. 1866 [*List of the Ranks of the Governing Senate and the Ministry of Justice. 1866*]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuiushchego senata Publ., 1866. 467 p. (In Russ.)

10. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von!" Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus! Come out!" A Modern Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)

11. Chel'tsov-Bebutov, M.A. *Kurs sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaznykh gosudarstvakh* [*A Course in Soviet Criminal Procedural Law. Essays on the History of Courts and Criminal Procedure in Slaveholding, Feudal and Bourgeois States*]. Moscow, Gosiurizdat Publ., 1957. 839 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.06.2022
Одобрена после рецензирования: 01.08.2022
Принята к публикации: 06.08.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 30 June 2022
Approved after reviewing: 01 Aug. 2022
Accepted for publication: 06 Aug. 2022
Date of publication: 25 Sept. 2022